

НОВАЯ ГАЗЕТА

«НОВАЯ ГАЗЕТА. ЖУРНАЛ» • ОБЩЕСТВО

Двор

История одной семьи, одного дома и одной собаки

11:08, 24 февраля 2026,

Виктория Артемьева

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

«Новая газета» много пишет про Суджу — так много, что кажется, читателям должно быть уже известно всё о судьбах той части россиян, кому яснее всех стала настоящая цена происходящего сейчас. И все-таки этим людям всё еще есть что рассказать — и есть истории, которые многое говорят не только о том, что произошло в Судже, но и обо всем в целом. Вот одна из таких историй.

*Спи, мой мальчик, спи, любимец.
На дворе война.*

Илья Эренбург, «Колыбельная»

— Я уйду на фронт для того, чтобы *** не пришла в мой двор,
— сказал жене суджанец, пропавший без вести два года спустя.

Во дворе его дома росла яблоня, которую — как во всех дворах на этой земле, глубоко изрытой корнями родословных деревьев, — неизвестно было, кто и когда посадил. Дом хозяйке достался от бабушки, а та купила его у кого-то еще — купила под расписку, считай, под честное слово. Здесь всё всегда делалось просто — все же свои. Летом тень от яблони падала на деревянную собачью будку и спасала от жары живущую на привязи черную вислоухую дворнягу. Собака была совсем черная, без пятен и подпалин, за что и носила свою полулошадиную кличку Ночка.

Ночку хозяин дома принес с работы двухмесячным щенком, когда родилась его дочь Вероника, — к тому дню ей тоже было два месяца, ровесница со щенком оказалась. Ночка — вообще ласковая и бесконечно верная — из всей семьи больше всего любила как раз Веронику: не отходила от нее, безропотно давала таскать себя за уши, днями лежала с ней на старом вытащенном во двор диване, и та, глядя Ночку по животу, все время ее жалела.

А однажды собака сбежала. Не то чтобы совсем с концами — во двор свой она приходила, но как только хозяин, или хозяйка, или кто-то из их троих детей пытался к ней подойти, тут же исчезала снова. А потом — зима уже была, холодно — пришла, села на крыльцо и стала подвывать. Не скулить и не рычать, а вот именно что подвывать. Олег — так звали хозяина — попытался подойти, но Ночка отбежала и снова стала выть, как будто звала куда-то. Оказалось, что и правда звала — Олега она привела туда, где лежали четверо ее новорожденных щенков: двое уже погибли от холода, а двое еще были живы, и она просила их спасти.

Ночка больше всего любила Веронику. Фото из семейного архива

Говорят, Олег любил свой дом и свою деревню с той же преданностью, с какой Ночка любила его дочь. Он работал в рыбхозе, и обходить на лодке местные пруды было его любимым делом — кормить и отлавливать рыбу, следить, чтоб не завелись браконьеры. Ловил, охранял, любовался заливными лугами — и очень хотел воевать. И все время, особенно в дни сомнений и раздумий, говорил об этом жене Виктории — говорил, что если где-то начнется война, он сразу пойдет.

Виктория пыталась возражать, что ей и троем маленьким детям он нужнее дома, но доводы не работали. Брат Олега воевал в Чечне, а сам Олег не успел — он тогда был еще подростком. И то ли с тех пор доказать хотел, что и сам мог бы так же и старшего брата не хуже, то ли героических эпосов наслушался, — во всяком случае,

война, сколько помнит Виктория, с ним была всегда. И ждать он ее начал задолго до февраля, а когда февраль наступил, стал собираться. Жена говорила: не ходи. Да толку-то.

Олег стал успокаивать ее: сказал, что подпишет не обычный контракт, а другой — резервный. Это, говорил, такой специальный контракт, по которому нужно только на сборы ездить время от времени, а вообще-то все время почти проводишь дома. Ну и поехал, и подписал, и Виктория ничего подозревать не стала. И в один из дней он вдруг предупредил: заберут через пару недель. Куда? И забрали — в апреле 2023-го. И вот эти слова он и сказал на прощание — что уходит, «лишь бы у него во дворе не было ***».

Год она ко двору подбиралась — и хотя была еще далеко, но становилась все ближе. Дети вроде к грохоту и дронам привыкли, а все равно смертельно боялись — и каждый раз ночью, услышав, что что-то гремит или летит, выпрыгивали из кроватей и бежали на кухню к матери, прятали головы ей в подмышки. В мае и Ночке пришлось успокаивать детей — своих: родились шестеро щенков, четверых раздали соседям, а двоих, черненького, как мать, и рыженького, как папа, решили оставить себе. И было им два месяца, когда 6 августа началась оккупация Суджи.

С половины четвертого утра слышались грохот и взрывы — но никто внимания уже не обращал: эти звуки здесь давно стали привычным, хоть и страшным, белым шумом. Просто улеглись спать дальше. Проснувшись утром и включив телефон, Виктория узнала, что на фронте прорыв, что надо уезжать. Потом пропало электричество, газ, интернет. Началась паника — и только администрация города просила сохранять спокойствие да соседи уверяли, что скоро все это закончится,

что нервничать не надо. Спустя пару часов соседи молча уехали. Виктория с детьми, без машины и без связи, осталась одна.

До СВО в Судже мирно жили 5000 человек. Фото: Егор Алевв / ТАСС

Она вышла во двор — единственный, у кого оставалось просить помощи, был лежащий в госпитале муж, и надо было ему дозвониться. Пытаясь поймать хоть какой-то сигнал, встала на скамейку и вытянула вверх руку со старым кнопочным телефоном. И тогда, повернув голову, увидела, что в небе над двором летит ракета — показалось, что прямо в нее. Она упала со скамейки в траву, закрыла голову руками, успела подумать, что сейчас умрет, — но ракета пролетела дальше и разорвалась фейерверком где-то в стороне.

До Олега она все-таки дозвонилась, и тот отправил за ней знакомого из Курска. Никто — и сам водитель Александр — не знал, доедет или нет, но доехал, когда в поселке уже были

слышны автоматные очереди. Выезжали окольными путями, по полям, а потом на обочинах дорог видели гражданские и военные машины, горящие и горевшие. Проехав мост через речку Локню, увидели еще одну, военную, сложенную пополам от взрыва, — вокруг нее ходили солдаты и собирали то, что осталось от ее пассажиров. Виктория попыталась закрыть глаза детей руками — лишь бы не увидели.

Так добрались до Курска — и уже на подъезде к городу поняли: там, во дворе, в будке на привязи, осталась Ночка и двое ее щенков. Собаку забыли.

Ночью снились кошмары, а утром, проснувшись в чужом доме, в чужом городе и в чужой почти мирной жизни, Виктория сказала Александру, который разрешил на первое время остаться у него: «Я хочу домой».

Потом решили пару дней подождать — может, все и закончится. Прошло полтора года — не закончилось.

Александр оказался единственным человеком, который рисковал ради этой — посторонней, в общем, — семьи и смог ее спасти, и Виктория была ему по-настоящему благодарна. Но время шло, и жить в его доме бесконечно было невозможно. Она нашла съемную квартиру — пыталась найти и работу, но суджан в Курске на работу берут неохотно.

Официальный предлог администраторов «Пятерочек» и «Магнитов»: «А вот вы возьмете да уедете, а нам опять человека искать», — хотя куда могут уехать они, погорельцы с разнесенными в щепки домами, с заминированными дорогами и дворами, где соседи закапывали погибших? Да что работа — в

Курске их и на улице видят-то неохотно. «Понаехали, — бросают им куряне, — на полном обеспечении, им еще и выплаты ежемесячные, и кормят три раза в день, и привозят все бесплатно, нашлись несчастные. Пропишите меня в Судже!» Соседи снизу, встречая Викторию у подъезда, косятся так, как будто ждут, что ворвется ночью в их дом и начисто обнесет. Они не понимают, что Виктория была бы рада никогда сюда не приезжать — и даже сейчас, будь у нее выбор, уехала бы на свой изрытый взрывами двор и руины дома, лишь бы не жить в этом чужом и враждебном городе.

Все, что осталось от двора. Фото из семейного архива

Вообще-то куряне до сих пор ненавидели беженцев, в основном из-за денег — из-за сертификатов на новое жилье, которые им давали, и ежемесячных выплат в 65 тысяч рублей. О сертификате на жилье Виктория не пыталась мечтать с самого

начала — державшаяся на честном слове продажа дома никак не была оформлена, и родственники бывшей хозяйки, которых все-таки удалось как-то найти, сказали, что суды и остальная бюрократия станет возможна только после ее, бывшей хозяйки, смерти. Единственное, на что оставалось жить, были выплаты — но с нового года отменили и их, и жить стало совсем не на что. Она писала всем, кому могла, — начиная, конечно, с губернатора Хинштейна. На слезное «услышьте меня» пришла длинная, но формальная скатерть: «Согласно ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ...» (см. сноску 1) В общем, она мало что поняла из его ответа.

И если сначала сменяющие друг друга губернаторы и пантеон местных чиновников обещали, что всё вернут, как было, потом отняли и то немногое, что еще оставалось, — деньги, которыми область возмещала им моральный ущерб. Когда было решено перенаправить средства с выплат на нужды региона, они вышли на митинг — они, кажется, остались последними в стране, кто еще на это способен. Навстречу им вышла Власть и уверенным голосом советника губернатора Пеньковой отчитала: «мужчинам в Судже нужно было не бежать от ВСУ, а защищать свои дома».

Виктория говорила Олегу: не ходи. Да толку-то. Фото из семейного архива

Олег защищал — или думал, что защищает, — свой дом и двор к тому времени уже год с лишним. От него приходили длинные — по меркам обычных переписок в мессенджере — письма, которые он писал во время дежурств на наблюдательных пунктах. Письма были бравадные, пестрые от смайликов и эмодзи-сердечек, — но за всем этим слышалось, что настоящие боевые действия далеки от того, о чем он мечтал всю свою молодость. Он писал:

«Сидим на НП (наблюдательный пункт) седьмой день, еда кончилась, ждем когда поднесут, осталось ток вода да сигареты. Каждую секунду вспоминаю вкус супа который ел в отпуске, пешу прям слюни текут. Так обстановка не кайф, стреляют с двух сторон, да и птичка (дрон) все *** нервы испытывает... Сейчас пишу тел светится, а эта *** над нами висит, аж прям извиняюсь за грубость оцко в пятки уходить... Вот наша

минаметка сработала, осколок по нашему блинчику (блиндажу) прилетел))) блинчик маленький не выпрямиться, не походить чтоб ноги со спиной размять, сплю можно сказать вообще на земле. За все эти дни ноги со спиной думаю сами в путь домой пойдут))) Ну ладно дело житейское. Маме с Бабушкой привет, детей обними да поцелуй. Скучаю, ждем дембеля».

Кончался второй год его пребывания на фронте, когда он написал жене, что его перевели в «штурма». Последним сообщением, пришедшим 21 апреля, было: «Уходим на боевое задание. Напишу позже». Позже не наступает уже девятый месяц.

От двора, ради которого он уходил на это задание, мало что осталось. Виктория увидела свой дом и свой двор на одном из многочисленных видео, которые снимают приезжающие в Суджу волонтеры: покореженный скелет без окон, без крыши, без забора, без яблони и без собачьей будки. И без Ночки, которая пропала без вести. Но и в такой, мертвый и перепаханный, двор она все равно мечтает вернуться. Говорит, что иногда ей кажется: там, в горелом дворе, она найдет своего мужа.

СНОСКА

- 1. Смысл ответа был в том, что Виктории требовалось обратиться в Росреестр, а в случае возникновения спора о праве собственности на объект**

недвижимости или невозможности его регистрации — в суд. Первое ни к чему Викторию не привело бы, потому что права на дом никак документально не оформлены, а второе — потому что судиться не с кем: официальная хозяйка недееспособна.

Этот материал вышел в шестнадцатом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в [онлайн-магазине](#) наших партнеров.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Говорю дрону: посмотри, я гражданский, в майке, без бронжилета»](#)

Приграничье: обстрелы, тьма и надежда.
Репортаж из Белгородской области о людях, живущих вблизи фронта

11:14, 22 января 2026, Иван Жилин, Алексей Душутин